

А. В. Варзин

**Способ аргументации как характеристика языковой личности
(дискурс героя «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11–34–00351а2

В статье представлены результаты анализа полемически заостренного дискурса литературного персонажа. Раскрываются структура и приемы аргументации героя «Записок из подполья» как модели языковой личности и выразителя одной из сторон сложно преломляющегося в полифоническом тексте Ф. М. Достоевского авторского «Я».

Ключевые слова: Достоевский, языковая личность, аргументация, дискурс, семантическое поле, концепт, метафора.

A. V. Varzin

**The Way of Argumentation as the Characteristics of Linguistic Personality
(the discourse of the hero from 'Notes from Underground' by F. M. Dostoyevsky)**

This article presents the results of the analysis of the polemically pointed discourse of the literary character. The argumentation of the hero of 'Notes from Underground' is a model of linguistic personality and expresses one of the side of the difficultly reflected F. M. Dostoevsky's authorial 'I' in his polyphonic text. The structure and the methods of reasoning of this argumentation are discovered in the article.

Keywords: Dostoevsky, linguistic personality, argumentation, discourse, semantic field, concept, metaphor.

За всяким мыслительным построением ощущается его творец и носитель – живая и ищущая человеческая личность.

о. Георгий Флоровский

Следование принципу приоритетности языковых данных над социально-историческим фоном является определяющим при реконструкции языковой картины мира в работах современных лингвистов [3; 14; 13]. В то же время исследователи признают, что общность языка не гарантирует абсолютной общности сознания. Способ репрезентации знаний соответствует социокультурному опыту человека [4, с. 25], «конкретные условия жизни языкового социума не могут не откладывать отпечаток на его видение мира через призму языка» [7, с. 39–44]. Проблема релятивности в трактовке концептуального содержания не сводится лишь к существованию стративных различий мировосприятия. Помимо принимаемой идеологии и занимаемого социального положения, первостепенно значимым является житейский и духовный опыт конкретной языковой личности. Внеязыковой феномен воспринимается сквозь призму «Я». Определение конкретности содержания, репрезентируемого социально

и личностно заряженным для носителя языка словом, и вовсе оказывается равносильно определению жизненной позиции. При этом предметом рефлексии языковой личности может быть не только содержание концептов культуры, тесно сопряженных с эмоцией и оценкой, но и содержание понятий как единиц логико-рационального уровня сознания: «в классе ментефактов “понятия / концепты” мы имеем некий “концептуальный континуум”, формируемый концептуальными полями» [10, с. 120].

В дискурсах персонажей Ф. М. Достоевского наблюдается сложное соположение различных типов концептуализации в свете построения личностно значимых концепций. При этом нет линейной связи вербально-ассоциативного уровня с тезаурусным, так как речь героев обуславливается еще и конкретными прагматическими установками говорения – речевыми стратегиями. Рассмотрим для примера дискурс одного персонажа – героя «Записок из подполья».

В споре с воображаемыми оппонентами Парадоксалист строит свою речь как рассуждение с дефиницией. В центре внимания героя – содержание понятия «**выгода**». Уточнение определе-

ния этого понятия призвано разрушить логическую стройность рациональных трактовок **выгоды**, шире – опровергнуть трактовку человека как существа рационального.

Аргументация Парадоксалиста в целом сводится к структуре, описанной на другом материале Ю. Н. Карауловым [9]. В основе этой структуры – прием фальсифицируемости, то есть подыскивание такого понятия, которое «заведомо не вписывается в расширяющееся семантическое (ценностное) поле, не подчиняется сформулированному и претендующему на абсолютную значимость правилу о поглощении всего “расчетом”» [9, с. 255]. Семантическое поле («поле знания») разворачивается вокруг стержневого понятия **«выгода»**. Предмет обсуждения – включение в это поле понятий, выражающих значимые для человечества ценности. А priori все ценное для человека должно быть полезным. Соответственно, в поле **«выгода»** включаются такие понятия, как **благоденствие, богатство, покой, рассудок и честь**. В качестве важнейшей социальной ценности в это поле входит и **свобода**. Соответствующий концепт проясняется из самого контекста актуализации слова **свобода**, где последнее непосредственно соседствует с лексемами **благоденствие, богатство, покой**:

Ведь ваши выгоды – это благоденствие, богатство, свобода, покой, ну и так далее, и так далее... [6, с. 110].

Парадоксалист не ставит целью полностью представить «реестр человеческих выгод» (на это, в частности, указывает присоединительный оборот **«ну и так далее, и так далее»** в приведенном примере). Острие критики направлено против самой идеи о возможности рационального («математического») учета всех «выгод» [15] и согласования с этими выгодами человеческой воли.

Парадоксалист указывает на двойственность означаемого слова **выгода**: это не только «полезное», но и «произвольно желаемое». Учет компонента **произвола** делает в принципе невозможной универсальную классификацию. Субъективно выгодными могут быть даже объективные **вред и зло**, если человек к ним стремится:

А что, если так случится, что человеческая выгода иной раз не только может, но даже и должна именно в том состоять, чтоб в ином случае себе худого пожелать, а не выгодно? [6, с. 110].

Включение в поле понятия **«воля»**, отвечающего компоненту **произвола** в семантике **выгоды**, но не укладывающегося в рациональное понимание **выгодного**, разрушает базовый принцип построения самого поля – объективность. **Выгода** предстает как **воля**, энергия хотения в ее самом свободном выражении. Тем самым утверждается стержневое понятие иного ценностного поля – **«свое собственное, вольное и свободное хотенье»**. Поле «выгода» оказывается отрицаемым антитезисом, новое поле – защищаемым тезисом:

Свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествия, – вот это-то и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту [6, с. 113].

В широком контексте «Записок» поле знания **«свободная воля»** составляют такие единицы, как *хотенье, каприз, фантазия, на риск, на авось, никем и ничем не принуждаемые, упрямо, своевольно, упрямство, своеволие, желание, пошлейшая глупость, пагубный фантастический элемент, страдания, хаос, мрак, проклятие, троглодитство, сознание, жизнь, человек*.

Еще раз особо подчеркнем: концепт **«воля»** в представлении Парадоксалиста – не столько «сила воли», сколько энергия и свобода хотения, самопроявления и самореализации. Противопоставление **«воли-свободы» «свободе-выгоде»** (ассоциату благоденствия, богатства и т. д.) в конечном счете сводится к идеологической оппозиции концептов **«хотенье»** и **«рассудок»**. Возражающий рациональному пониманию **свободы и выгоды** Парадоксалист указывает на охват понятием **«хотенье»** большего объема действительности в сравнении с понятием **«рассудок»**:

...рассудок есть только рассудок и удовлетворяет только рассудочной способности человека, а хотенье есть проявление всей человеческой жизни, и с рассудком, и со всеми почесываниями [6, с. 115].

Концепт **«хотенье»** в трактовке героя ассоциативно соположен понятиям **«натура человеческая», «личность», «индивидуальность»**. **Хотенье** определяется как **«проявление всей жизни»**, в рассудочной способности усматривается лишь **«какая-нибудь одна двадцатая доля всей... способности жить»**. При этом **воля** – не

«нормальное», «добродетельное», «благо разумно выгодное», но только **самостоятельное** хотение. А самостоятельное может быть и неразумным.

Языковое выражение доводов Парадоксалиста в защиту свободы воли и против абсолютизации рационального начала – последовательное использование в полемически заостренном дискурсе героя метафор, основанных на музыкальной, математической, экономической и общенаучной терминологии. Эти метафоры призваны продемонстрировать оторванность от жизни рациональных теорий «исправления человечества» и составляют в целом тематический ряд, идеологически противопоставленный приведенному выше полю «воля»: *«фортепьянная клавиша, органний штифтик, штифтик в органном вале [о человеке. – А. В.], арифметика, математическая точность, вероятности, логарифмы, таблицы логарифмов, табличка, извлечение квадратного корня, дважды два четыре, непрерывный периодический нуль, календарь, «реестр человеческих выгод, взятый средним числом из статистических цифр из научно-экономических формул», формула всех наших хотений и капризов»* [16].

«Музыкальным» и «математическим» метафорам, выражающим обездушивание человека и схематизацию живой жизни при рациональном отрицании «свободы хотения», противостоят метафоры «**каприза**». Последние представляют собой возведение в ранг ценности конкретного действия или явления, выступающего символом или признаком концепта второго уровня (имени поля) – **воля/свобода** (*«вольное и свободное хотенье»*): *почесывания, кукиши показать, язык выставлять, языком подразнить, дважды два пять*. Единицы этого ряда подчеркивают в хотении иррациональное начало, которое важно для Парадоксалиста как проявление живой реальности свободы, не соответствующей концептуальному содержанию, соотносимо противоположной стороной с лексемой **свобода**:

Ведь если мне, например, когда-нибудь расчислят и докажут, что если я показал такому-то кукиши, так именно потому, что не мог не показать и что непременно таким-то пальцем должен был показать, так что же во мне тогда свободного-то останется, особенно если я ученый и где-нибудь курс наук кончил? [6, с.114]

Особо отметим: собственно лексема **свобода** в дискурсе Парадоксалиста встречается лишь однажды – в рассуждении о «разумных выгодах» (см. выше). Герой осторожно использует данное слово в силу идеологической востребованности

лексемы **свобода** противоположной стороной, трактующей **свободу** рационалистически (как «осознанную необходимость») и утилитарно (как обеспеченность, *liberté*). Отсутствие однозначного соответствия единиц деривационного гнезда «**свобода**» конкретному концепту при активном использовании субъектом речи приема метафоризации существенно усложняет реальную языковую картину. План выражения концепта «**воля/свобода**», как и концептуальное поле «**выгода**», предстает многослойным и нелинейным образованием. Тем не менее при комплексном анализе дискурса языковой личности позиция самого языкового субъекта оказывается явленной эксплицитно. Этому способствует то обстоятельство, что «иррационалист» Подпольный в споре со сторонниками «рассудочного» понимания **выгоды** использует логические приемы доказательства и опровержения – рассуждение с дефиницией и классический полемический прием «сведения к абсурду» (*reductio ad absurdum*), иллюстрацией применения которого может служить приведенное выше рассуждение о неизбежности демонстрации кукиша (об использовании логических методов доказательства Достоевским см. [12]).

В свое время Николай Бердяев, один из самых глубоких интерпретаторов Достоевского, представил этого писателя принципиальным антиутопистом. В свете самохарактеристики как «реалиста в высшем смысле слова» Достоевский изображался писателем-антропологом, который постиг «человека в его страстном, буйном, иступленном движении» и с позиций этой истины «наносит удар за ударом всем теориям и утопиям человеческого благоразумия, человеческого земного блаженства, окончательного устройства и гармонии» [2]. Вряд ли, конечно, целесообразно отождествлять взгляды реального («биографического») писателя и взгляды его героя-парадоксалиста. Однако результаты нашего анализа позволяют утверждать: текст «Записок из подполья» наглядно выявляет такую особенность языка и творческого метода Достоевского, как способность к разрушению кажущихся незыблемыми стереотипов восприятия действительности. Достоевский размывает общую картину мира в сознании читателя, лишает нас привычных мировоззренческих опор и вынуждает заново переосмысливать содержание личностно значимых концептов.

Примечания

1. Белопольский, В. Н. Достоевский и философия: связи и параллели [Текст] / В. Н. Белопольский. – Ростов н/Д., 1998.
2. Бердяев, Н. А. Миросозерцание Достоевского [Текст] / Н. А. Бердяев // Бердяев, Н. А. Философия творчества, культуры и искусства : в 2-х т. – Т. 2. – М., 1994.
3. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицкая. – М., 1999.
4. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
5. Джоунс, М. Достоевский после Бахтина. Исследование фантастического реализма Достоевского [Текст] / М. Джоунс. – СПб., 1998.
6. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30-ти т. [Текст] / Ф. М. Достоевский. Т. 5. – Л., 1973.
7. Иванова, Е. В. Мир в английских и русских поговорах [Текст] / Е. В. Иванова. – СПб., 2006.
8. Кант, И. Собр. соч.: в 8 т. [Текст] / И. Кант. – М., 1994. – Т. 4.
9. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М., 1987.
10. Красных, В. В. Понятие как предмет изучения лингвокультурологии: постановка проблемы (на примере понятия «государство») [Текст] / В. В. Красных // Русское слово в русском мире – 2005: Государство и государственность в языковом сознании россиян / под ред. Ю. Н. Караулова, О. В. Евтушенко, И. В. Ружицкого. – М., 2006. – С. 118–125.
11. Лаут, Р. Философия Достоевского в систематическом изложении [Текст] / Р. Лаут. – М., 1996.
12. Сканлан, Дж. Достоевский как мыслитель [Текст] / Дж. Сканлан; пер. с англ. Д. Васильева и Н. Киреевой. – СПб., 2006.
13. Урысон, Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике [Текст] / Е. В. Урысон. – М., 2003.
14. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю [Текст] / А. Д. Шмелёв. – М., 2002.
15. Гипотетически подобное допуская, например, И. Кант: «Следовательно, можно допустить, что если бы мы были в состоянии столь глубоко проникнуть в образ мыслей человека, как он проявляется через внутренние и внешние действия, что нам стало бы известно каждое, даже малейшее побуждение к ним, а также все внешние поводы, влияющие на него, то поведение человека в будущем можно было бы предсказать с такой же точностью, как лунное или солнечное затмение» [8, с. 49].
16. Исследователи усматривают в использовании этих метафор критическое осмысление сравнения человека с инструментом, принадлежащее Дидро, «математизации» человеческой жизни у Конта, попыток Кетле, Бентама и Бокля произвести статистические расчеты закономерностей принятия решений, а также убеждения Канта в теоретической возможности предсказания человеческого поведения [1; 5; 11]. К отмеченному следует добавить особую идейную нагрузку использования числа 108000 в следующем примере:
Все поступки человеческие, само собою, будут расчислены тогда по этим законам [законам природы. – А. В.], математически, вроде таблицы логарифмов, до 108000 и занесены в календарь... [6, с. 113].
Точность и «величина» числа 108000 символизируют беспомощность и несвободу человека в условиях всевластия науки, рассматривающей жизнь как многообразие проявлений действующих с абсолютной необходимостью законов природы.